

В ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ и маститые, и молодые литераторы охотно выступали в литературном радиовещании, участвовали в традиционных праздничных передачах с Красной площади — первомайских и октябрьских. Здесь уже была своя, сложившаяся годами «литературная бригада»: Алексей Сурков, Александр Жаров, Лев Кассиль, Леонид Соболев, Юрий Олеша, Владимир Луговской, Джек Алтаузен, Михаил Розенфельд...

Вскоре мне довелось ближе познакомиться и с Виктором Гусевым. Не помню уж, кому пришла в голову удачная мысль — вести Гусева в эфир.

Когда впервые с Виктором Михайловичем завели разговор на эту тему, он отнесся к приглашению скептически осторожно.

— Одно дело — отчеканить 20—30 строк и тут же удалиться, и совсем другое — целая передача. Вы хотите, чтобы я волновался и потел у микрофона попеременно, так сказать, с классиками два-три часа...

Под «классиками» поэт разумел литераторов, давно освоивших эфир.

нами вражеские самолеты... подробности позже».

— Началось, — подумал дежурный и с лихорадочной поспешностью стал набирать номера домашних телефонов своих коллег. В редакцию съезжались репортеры, редакторы, выпускающие и тут же, через несколько минут, отправлялись на задание.

Правительственное сообщение... Митинги на предприятиях... В 12 часов 45 минут прозвучал первый военный выпуск «Последних известий».

Не дожидаясь звонка, к вечеру к нам один за другим приехали Василий Лебедев-Кумач, Алексей Сурков, Илья Эренбург, Александр Жаров. Виктор Гусев был где-то далеко от Москвы, и мы увидели его лишь на второй или третий день войны. Многие журналисты и писатели в те дни отправлялись в Действующую армию. Некоторые уехали на Восток — в далекий тыл. Виктор Гусев остался в Москве, которая осенью 1941 года стала прифронтовым городом и была объявлена на осадном положении. И москвичи, и миллионы советских людей в больших и малых горо-

В этих стихах мы ощутили отзвуки известной песни о Москве, признанной и любимой народом.

Наблюдая за поэтическим трудом Виктора Гусева, всегда собранного и «мобилизованного», мы, журналисты среднего поколения, невольно вспоминали Владимира Маяковского... Виктор по-настоящему шел в боевом строю. Ему были чужды рисовка, пышные фразы, самолюбование.

Миновали самые трудные месяцы войны, бессонные, тревожные и напряженные. Однако мы по-прежнему жили «на казарменном» положении. В свои опустевшие квартиры (семьи эвакуировались) люди наведывались лишь изредка, чтобы удостовериться, цел ли дом, и вспомнить о неогценных в свое время прелестях домашнего быта. С фронтов поступали все более обнадеживающие и ободряющие вести. Насторожение у людей поднималось, запасы оптимизма быстро пополнялись... И вот в один из зимних вечеров сорок второго года, воспользовавшись «просветом» в нашей полуфронтовой жизни, мы отправились на дружескую встречу с ли-

ВСЕМ РЕСПУБЛИКАМ И КРАЯМ... У МИКРОФОНА — ВИКТОР ГУСЕВ

мемуары

После недели колебаний Гусев согласился наконец попробовать. Перед группой радистов он прочел из студии десятиминутный отрывок из будущей праздничной передачи. Голос, преобразованный микрофоном, звучал сильно и четко. Чувствовалась правда, некоторая неуверенность — неизбежный спутник новичка. Сидя в аппаратной, отделенной от студии стеклянной рамой, мы показали жеманно, что все в порядке. Проба удалась!

— Ну что ж, с богом, пойдем по радиодорогам, — шуточно симпатизировал Виктор.

Так с конца тридцатых годов Виктор Гусев начал сотрудничать с «Последними известиями» по радио. Его поэтические предисловия и комментарии по ходу передач получили впоследствии у слушателей широкое признание.

В наших радиоархивах, к сожалению, не многое сохранилось из довоенного наследия. Недавно, просматривая посеревшие от времени страницы первомайской передачи 1939 года, я обнаружил в ней гусевские строки —

**Всем республикам и краям
В праздник Первого Мая,
Как близким друзьям,
как далеким друзьям,
Руки я пожимаю.
Сейчас бы взвился в звездные
выси,**

**Подставить лицо ветерку.
Помчаться и увидеть Тбилиси,
Крепче обнять Баку...**

Мне запомнились почему-то особенно апрельские дни 40-го года... Виктор, как обычно, заглядывал два-три раза в неделю в редакцию, делался — иногда сумбурно, иногда собранно — мыслями о предстоящей первомайской радиопередаче. Беседа однажды о будущем репортаже с Красной площади, он заметил как бы между прочим:

— Меня, как и моих братьев по перу, радио, привлекает своей великолепной возможностью общения с необъятной аудиторией. Привлекает и вместе с тем пугает... И это, я думаю, вам понятно. Обращение в эфир таит в себе свой сложности и свои трудности. Поначалу невольно теряешься, сбиваешься на митинговщину, пытаешься кричать, вместо того чтобы говорить нормальным человеческим голосом. Потом одумавшись, поразмыслишь и поймешь, что это не годится... Ведь аудитория-то не собрана воедино, она, я бы сказал, расчлененная, разбросанная, многоликая: один сидит дома и пьет семейный чай, другой — в компании друзей, третий — наедине с самим собой и уткнулся в книгу. Где-то на севере — мне об этом рассказывали — голос Москвы слушают коллективно, в клубе или красной яранге. Мне хотелось бы в своих стихах вложить своеобразное обращение к людям разных возрастов и профессий, разных республик, городов и сел. Короче говоря, я хочу, чтобы каждый почувствовал, что его не забыли в большой праздничный день, что в Москве помнят о каждом простом человеке.

Эту мысль (в то время она была новой и злободневной) Виктор не оставлял. В день 1 Мая, выступая у микрофона, он нашел теплые поэтические слова для шахтеров, трактористов, рыбаков, нефтяников, пограничников, почтальонов. Это была не только поэтическая, но и в широком смысле слова психологическая находка! Радиорепортаж, обращенный к массам, одновременно какими-то нитями более интимно связывал чтеца со слушателями, людьми разных возрастов, профессий, характеров.

НА РАССВЕТЕ июньского дня в наш радиодом на Путинках ворвалась тревожная весть о войне. В комнате ночного дежурного нервно и гулко зазвонил телефон. Дежурный прильнул к трубке: — Киев бомбят! Вы слышите меня? — проговорил, почти прокричал чей-то голос. И тут же земолк, словно провод оборвался. Потом раздался беспокойный звонок из Минска: «Над

дах и селах в те дни прислушивались к сводкам Совинформбюро, остро переживая неудачи и радуясь первым успехам наших воинов, отражавших натиск фашистских полчищ.

В это трудное и горячее время поэт и драматург Гусев пришел в наш радиокollektiv уже не как гость, а как штатный сотрудник. Он стал руководителем литературного вещания. В большом доме на Малой Никитской (ныне улица Качалова) разместились наш поредевший коллектив: кто ушел на фронт, кто уехал в Куйбышев и Свердловск, где были созданы вещательные центры — дублеры Москвы. Обитатели радиодома жили и работали на казарменном положении. Редакционная часть «Последних известий» была отделена огромным диваном от импровизированной спальни, которая носила также громкое название «столовой». Сюда доставлялись скудные пайки, составлявшие основу коллективного питания. В этой микростоловой редко пахло мясом, чаще ощущался запах постных щей, гречневой каши и отварного картофеля. Жили и работали дружно, не впадали в уныние и научились стойчески переносить бесконечные воздушные тревоги.

Я вспоминаю, что Виктор в те дни был неизменно спокоен, от него веяло бодростью, неиссякаемым оптимизмом. Он неустанно, буквально денно и нощно, трудился над литературными передачами, одновременно помогая новой редакции «Говорит Западный фронт» в шлифовке стихов и прозы. Гусев по-прежнему и сам выступал у микрофона, быстро откликаясь на события дня. Помнится, по радио впервые прозвучали его стихи о народной войне, написанные в самые опасные и горячие дни: **Перелистай историю России,
Прочи ее за годом год подряд,
О мужестве, о храбрости, о силе
Народа нашего**

страницы говорят...

У Виктора Михайловича не было «водораздела» между литературой, публицистикой и репортажем. Через его руки проходили очерки и статьи Алексея Толстого, Николая Тихонова, Михаила Шолохова, Ильи Эренбурга, разоблачавшие вандалов XX века — нацистов и воспевавшие мужество советских людей — героев фронта и тыла. Поэт, оказавшийся в несвойственной ему роли редактора и администратора, скрупулезно, внимательно перечитывал в те дни произведения классиков, воскрешавшие героическое прошлое русского народа, поэмы и рассказы, запечатлевшие события гражданской войны. Ведь в литературных передачах военных дней с новой силой и убедительностью звучали события прошлого.

Виктор Михайлович часто советовался с чтецами и дикторами о том, как лучше донести до слушателя смысл очерка или статьи. Одним из талантливых чтецов того времени был Михаил Михайлович Лебедев, прекрасно исполнявший произведения всех жанров: и лирические стихи, и публицистику, и боевые агитки. (К сожалению, жизнь этого великолепного мастера трагически рано оборвалась).

НАСТУПИЛ НОЯБРЬ сорок второго... К этому времени уже минуло 16 месяцев войны. Позади остались горечи первых военных неудач, радости первых побед, разгром фашистских армий под Москвой. У Волги разыгрывалась гигантская битва, за ходом которой напряженно следил весь мир.

Виктор Гусев был снова на боевом поэтическом коне. Он снова, как и в мирные годы, вел октябрьскую передачу с Красной площади. Поэт напомнил о довоенной Москве, о любви советских людей к своей столице... **А потом мы Москвой
увидели другую.
Шел июнь, и в садах
шелестела трава.
И вдвойне тогда стала
для нас дорогой
Затемненная, грозная
наша Москва...**

тераторами и музыкантами. Мы ехали вместе с Гусевым по затемненным, тихим улицам Москвы в полуосвещенном трамвае.

Гости уселись за скромно накрытый стол: главными яствами были консервы, сухая колбаса и трофейный кофе, прихваченный кем-то из военных корреспондентов.

Виктор Гусев познакомил журналистов с Арамом Хачатуряном, Тихоном Хренниковым, сподвижником Михаила Громова по известному перелету Иваном Юмашевым...

Хозяйка квартиры, убедившись, что все разместились, предложила тост за первые успехи советского оружия. Все горячо поддержали ее. Разговорились о литературе и музыке, о людях и их поведении в условиях военного времени. Я впервые видел Гусева во «внеслужебной обстановке». Он был, как всегда, прост и по-доброму насмешлив.

— Волею судеб я стал сыном эфира, — сказал Виктор Гусев. — Я непрерывно что-то органикую, редактирую, визирую и вдобавок сам кое-что пишу...

В этот момент зазвонил телефон. Хозяйка взяла трубку.

— Виктор Михайлович, вас настойчиво требует какой-то радиодеталь! Гусев, прервав разговор, подошел к аппарату. Он слушал, время от времени односложно отвечая «да» или «нет».

Беседа возобновилась.

— Вот тут говорили о поведении людей в условиях войны... У нас на радио есть человек по фамилии Скобликов. Он-то сейчас и звонил, каким-то чудом отыскав меня здесь. На его примере я и хочу приоткрыть тему, если можно громко выразиться, «человек и война». Это удивительно спокойный и нетребовательный товарищ. Подобно Диогену, он являет собой полную отрешенность от мирских благ и удобств. Вы не поверите, но он, я утверждаю, живет, как подвижник. В его письменном столе один ящик заполнен пшеном, другой — махоркой. Он ест пшено в натуральном виде, считая это наиболее полезным. Запивает водой. Затем открывает второй ящик, достает махорку, закуривает и продолжает читать и визуировать текущие сообщения... Он был хладнокровен и выдержан даже в тот момент, когда вражеская бомба упала во двор Радиокomite-та...

— Я видел, как сбрасывают с крыши «зажигалки», засыпают их песком, спокойно, без паники.

— Простите, а почему вы, Виктор Михайлович, оказались на крыше? — неожиданно спросил один из присутствующих радистов.

— А вы откуда знаете? — в свою очередь спросил Гусев.

— А у меня есть фото, запечатлевшее вас на боевом посту.

— Было, было такое дело, — смущаясь, сказал поэт. — Захотелось посмотреть, как все это происходит в жизни, а не по рассказам. Я собираюсь еще съездить в гости к зенитчикам, а затем на один из участков Западного фронта. А после этого могу с полным правом написать новые стихи.

Собравшиеся стали просить Виктора Гусева прочитать «что-нибудь».

— Увольте, братцы, — взмолился поэт. — Ведь я стал песенником, драматургом, киносценаристом — и все это произошло под давлением моих друзей... Петь я не могу, а мои стихи лучше послушайте по радио, — отшутился он.

На другой день в эфире прозвучала новая гусевская песня о войне. Вот ее заключительные строки:

**Не отдадим мы землю родную;
Русскую землю свою.
Лучше умрем**

— За Отчизну святую,
Но не отступим в бою!

Виктор Гусев «не отступил», но он рано ушел от нас, не успев раскрыть до конца свой талант, не дожив до дня великой победы.

Николай ПОТАПОВ.

ВОЕННАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

1968, 22 авг.